

ЭТНОГРАФИЯ

«СВЕЧА» В СИБИРИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ ОБРЯДА У БЕЛОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ¹

О.А. Лобачевская*, Р.Ю. Федоров*

Статья посвящена исследованию обряда почитания и переноса иконы «Свеча», сохранившегося на территории Викуловского района Тюменской области среди потомков переселенцев из Могилевской губернии. Проводимый в Сибири обряд сравнивается с таковым в местах выхода переселенцев.

Обряд «Свеча», народные православные традиции, традиционная белорусская культура, белорусы в Сибири, самоходы.

На территории Викуловского района Тюменской области в конце XIX — начале XX в. появились деревни, основанные белорусами — переселенцами из Могилевской губернии². Благодаря достаточно обособленной жизни отдельных сельских общин и в силу географической удаленности от культурных и административных центров, в этих населенных пунктах до сих пор сохранились некоторые обряды, привнесенные переселенцами с мест их выхода более столетия назад.

Одним из ярких примеров подобных традиций, не утративших аутентичности, является обряд «Свеча», сохранившийся в д. Осиновке. Ежегодно на Рождество уникальный для Сибири обряд разворачивается вокруг почитаемой общественной иконы, называемой «Свечой». Он заключается в отправлении ритуала переноса иконы из дома, где она находилась в течение целого года, к другому хозяину. В обрядовом действии участвуют все жители деревни, их родственники из других населенных пунктов, которые специально приезжают в этот день в Осиновку.

Материалы о бытовании обряда были собраны нами с использованием метода включенного наблюдения в январе 2011 г.³ и летом 2011 г. российско-белорусской экспедицией⁴ в п. Викулово, деревнях Ермаки и Осиновка Викуловского района. Материалы позволяют не только описать сам обряд как этнографическое явление, но и поставить вопросы, ответить на которые возможно лишь при использовании культурно-антропологического подхода: об аутентичных «белорусских» корнях и степени «сибирской» трансформации обряда, причинах сохранности и стойкости традиции почитания общедеревенской иконы. Нашими информантами были старейшие жители — представители первого поколения белорусских переселенцев, родившиеся в Сибири, и сельчане среднего возраста, которые, принадлежа уже к третьему поколению, по-прежнему идентифицируют себя с «самоходами» — так когда-то стали называть их предков из Могилевской губернии, прибывших своим ходом в эти сибирские места⁵. В своем исследовании мы опирались также на публикации, в которых впервые была описана сибирская Свеча [Крамор, 2002, 2003; Федоров, 2011].

¹ Работа поддержана грантом РГНФ №10-01-00551а/Б.

² По сей день в названных деревнях используются различные самоназвания: белорусы — переселенцы из западных областей Российской империи, пришедшие в Сибирь в XIX–XX веках, — «самоходы», а потомки местного русского населения первой волны заселения Сибири в XVI–XVII вв. — «чалдоны».

³ Р.Ю. Федоров (Тюмень).

⁴ Р.Ю. Федоров, О.А. Лобачевская (Минск).

⁵ В Осиновке селились выходцы из Дудичевской вол. Рогачевского у. В настоящее время это территория Чечерского района Гомельской области, д. Дудичи выселена после катастрофы на Чернобыльской АЭС и теперь не существует. В соседних Ермаках на отдельных улицах селились выходцы из разных мест: на «рогинской» — из с. Рогины Меркуловицкой вол. Рогачевского у. (д. Рогины Будо-Кошалевского района Гомельской обл.), «бушевской» — из д. Бушевка Кошалевской вол. Рогачевского у. (д. Бушевка Будо-Кошелевского района Гомельской обл.). Были также переселенцы из Меркуловицкой вол. Рогачевского у. (д. Меркуловичи Чечерского района Гомельской области), д. Усушки Пропойского у. (д. Усушки Чаусского района Могилевской области).

Свеча — это обряд, сочетающий народные и христианские традиции, главным культовым объектом которого является «коллективная свеча» или обрядовый комплекс «свеча + икона», широко бытовавший в разнообразных локальных вариантах в восточных районах Беларуси, а также на сопредельных землях Смоленщины, Черниговщины, Брянщины. В обряде соединились дохристианские представления и архаические ритуальные практики с народными культами христианских святых и заступников [Дучыц и др., 2011, с. 437]. В конце XIX — начале XX в. обряд фиксировался и в других регионах России [Зеленин, 1991, с. 386; Громыко, 1991, с. 368–371], однако уже тогда исследователи отмечали, что сохранился он преимущественно у белорусов [Зеленин, 1991, с. 385–386; Шейн, 1902, с. 173]. Первые дошедшие до нас упоминания об обряде Свеча в Могилевской губернии относятся ко второй половине XIX в. [Дембовецкий, 1882, с. 494, 520, 630, 634; Жудро, 1893; Добровольский, 1900]. Этот обряд практикуется на территории Беларуси и в наши дни. Белорусскими исследователями в Могилевской и Гомельской областях был собран значительный массив материала о традициях и бытовании обряда [Лапацін, 2007; Лопатин, 2008; Лабачэўская, 2007]. Вместе с тем его генезис и типология, связь с медовыми и цеховыми свечными братствами, а также причины высокой степени его сохранности в народной традиции изучены не в полной мере. В этой связи сибирские материалы об одном из вариантов Свечи, который был когда-то принесен переселенцами в Осиновку и продолжает существовать, приобретая новые формы, представляют значительный интерес для осмысления этого явления народной культуры в целом.

Словом «Свеча» в Осиновке называют как саму икону, так и обряд ее переноса, который осуществляется ежегодно на Рождество. Святыня представляет собой переносной комплекс икон, заключенных в деревянный трехчастный киот, по форме представляющий собой большой складень. Его местное название — «абажур» [Крамор, 2003, с. 100]. Главной является небольшая по размеру икона «Воскресение Христово» с житийными клеймами. Она заключена под стекло и занимает центральное место. Икона написана temperными красками на деревянной основе. На боковых створках размещены иконки-литографии: слева два изображения Божьей Матери — Троеручицы, справа — Господь Вседержитель, св. Пантелеймон Целитель, а между ними подвешены маленькие бумажные иконы Сергия Радонежского. Литографические иконы напечатаны в Киеве в 1907 г., о чем свидетельствует надпись на них. Центральная икона утопает в искусственных цветах и украшена фольгой. Грубоватой столярной работы киот имеет сверху треугольный фронтон, а внизу — ящик. Судя по толстому слою голубой краски, киот неоднократно подновлялся⁶. В голубой цвет выкрашена и бочечка, служащая подсвечником. В нее насыпано зерно, в которое, как и в крестообразную деревянную перекладину с круглыми отверстиями, закрепленную благодаря вырезам в верхней части бочонка, вставляют свечи. По оформлению в виде киота-складня с ящиком деревенская святыня Осиновки близка иконам-Свечам, выявленным нами в Могилевской области Беларуси [Лобачэўская, 2007, с. 424].

В Осиновке считают, что их икона «давнішняя» [2] (здесь и далее цифры в квадратных скобках в соответствии с нумерацией списка информантов). По поводу ее происхождения от местных жителей получена противоречивая информация. Этот факт отмечен также участниками экспедиции Ишимского краеведческого музея, побывавшими в Осиновке и Ермаках в 2002 г. и первыми описавшими обряд [Крамор, 2003, с. 115]. По одной версии, икона была принесена с мест выхода переселенцев-«самоходов», по другой — куплена еще до революции в Усть-Ишиме или уездном городе Таре (Тарский район Омской области), куда для этой цели специально ездили осиновские старожилы. Называют имя Ивана Ковалькова, который привез икону и передал ее в Никольскую церковь в Ермаках, где она стояла, пока в 1937 г. не стали разрушать храм. Икону забрали и начали переносить из дома в дом в Осиновке [Там же, с. 100]⁷.

Икона «Воскресение Христово» может быть датирована концом второй половины XIX в.⁸ Стиль и уверенность лаконичной манеры письма, точность мазков белых оживок на ликах и руках и в то же время свободное обращение с иконописным канонам в композициях житийных клейм, обобщенность изображений и отсутствие деталей, укрупненный размер рук и ног персо-

⁶ Последнее подновление Свечи было, очевидно, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., о чем свидетельствуют надписи на упаковочной фольге, которая использована для украшения иконы: «Жевательная резинка. 15 коп. Бийск».

⁷ Еще по одной версии, икону начали переносить после Великой Отечественной войны.

⁸ Авторы приносят благодарность за консультации по вопросу датировки и происхождения иконы И.А. Мануйловой, науч. сотр. Тюменского музея изобразительных искусств, Е.В. Карпенко, зав. отделом древнебелорусского искусства Национального художественного музея Беларуси в Минске.

нажей по отношению к пропорциям их фигур — все это свидетельствует о происхождении из иконописного промысла, связанного с народной традицией и ориентированного на массового потребителя. Живописное решение иконы построено на сочетании охристых, синих, голубых и белых красок. Не имея возможности детально осмотреть образ, можем предположить, что это так называемая щепная икона, написанная на лубе дерева, что было характерно для массового производства икон на рынок в Сибири [Казаринова, 1999, с. 200]. Имеются некоторые аналоги среди опубликованных поздних сибирских икон [Сибирская икона, 1999, с. 73, ил. 34; с. 120, ил. 81]. Сотрудники Ишимского краеведческого музея относят ее к иконам сибирского письма и склоняются к варианту «тарского» происхождения [Крамор, 2002; 2003, с. 115]. Вместе с тем стилистика и уверенная, «скорописная» манера исполнения «Воскресения Христова» из Осиновки может также свидетельствовать об изготовлении иконы в одном из центров владими́ро-суздальского иконописного промысла, который в XIX — начале XX в. был одним из крупнейших в России и откуда предназначенные для простого народа иконы широко расходились по российским губерниям.

Рис. 1. Икона Свеча в доме Альковой Ларисы Дмитриевны, 1965 г.р., д. Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. 2011 г. Фото О. Лобачевской

Таким образом, вопрос о белорусском или сибирском обретении Свечи остается открытым. Ответ на него можно было бы получить, наверное, 10–20 лет назад у осиновских старожилов — первых переселенцев, большинство которых, как свидетельствуют наши информанты, были долгожителями и уходили из жизни в возрасте более 90 и даже 100 лет. Название сакрального атрибута «Свеча», структура обряда, его глубокая укорененность в локальной культуре Осиновки говорит о том, что эта народная традиция была перенесена в Сибирь с мест выхода переселенцев и не претерпела при этом значительного изменения. В этом убеждает сравнение обряда с белорусскими материалами по Свече.

Белорусские «самоходы» переселялись несколькими семьями близких родственников и везли с собой домашние иконы⁹, хозяйственный инвентарь и орудия труда, а также пчел, семе-

⁹ Например, у одной из жительниц Осиновки сохранился принадлежавший ее матери образ Николы Чудотворца зимнего, по иконографии и манере письма — из икон второй половины XIX в., которые в Беларуси принято относить к гомельско-брянскому типу. Такие иконы широко бытовали на территории Могилевской и Гомельской области.

«Свеча» в Сибири: этнографический и культуроантропологический аспекты бытования обряда...

на зерновых культурах, картофеля, льна. Вполне логично предположить, что могли они забрать в Сибирь и родовую святыню — Свечу-икону. Она духовно укрепляла общину в борьбе за выживание на новых землях, опекала своим заступничеством, спланивала коллектив. Вместе с тем Свеча могла быть «заведена» уже в Сибири. В этом случае следует понять, какие для этого имелись мотивы и причины.

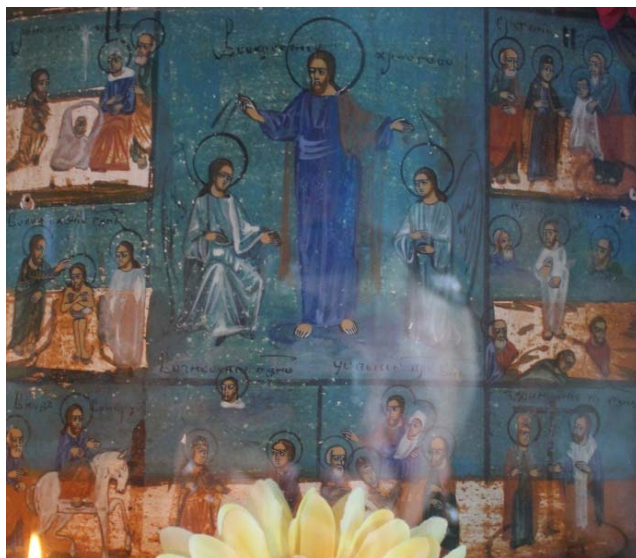

Рис. 2. Икона «Воскресение Христово». Вторая половина XIX в., д. Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. 2011 г. Фото О. Лобачевской

Белорусский этнограф П. Шейн писал о таком народном обычае в Могилевской губернии: «Обычно свечи заводят по обещанию, как спасательное и охранительное средство от разных невзгод и напастей: от болезни, от скотских падежей и т.п.» [1902, с. 180]. Свеча являлась прежде всего коллективным оброком, обетом, принятым всей общиной, и ее основание связано с ситуациями, угрожавшими деревенскому социуму. Как вспоминают дети первых переселенцев-«самоходов», условия в Сибири поначалу для них были очень суровые: чтобы выжить в лютые морозы при отсутствии в первые годы капитального жилья, необходимо было корчевать лес, в чем принимали участие даже дети и подростки. Переселенцы нуждались в покровительстве святых заступников, освящении нового жизненного пространства, которое отвоевывалось у природы, и, при отсутствии церкви,— в объединяющем сакральном центре общинной жизни. Поэтому Свеча, по традиции родных мест переселенцев, могла быть основана уже в Осиновке по коллективному оброку, а оброчная икона приобретена всем миром — на общие пожертвования, в складчину.

Наши информанты вспоминали, что переносные иконы существовали и в других переселенческих деревнях, соседних с Осиновкой. В Ермаках переносили икону Святителя Николая 19 декабря — Никольскую Свечу. «...У хозяина стояла. Вот так постоит, потом передавали другому в ряд. А когда уже не стали справлять эти праздники, то мы, говорю, свою икону занесли в церковь. А осиновские так и не отдали. В Осиновках так и стоит это икона. ...Не отдали, так она и ходит у них там по домам» [3]. Возможно, икону передали в храм после постройки Никольской церкви. На праздник Николы зимнего эту икону в Ермаках носили по деревне, а потом вновь ставили ее в церкви. В д. Еловке была Михайловская Свеча — переносная икона св. Михаила [1].

В Беларуси чествование Свечей-икон, их торжественный перенос происходит, согласно когда-то данному обету, ежегодно в день памяти святого или православного праздника, которому святыня посвящена. Поэтому сам обряд носит название «мікольшчына» и «мікольская свяча» (св. Никола), «варварынская свяча» (св. Варвара Великомученица), «міхайловская свяча» (св. Михаил), «пакроўская свяча» (Покров Пресвятой Богородицы). В Осиновке на почитаемой иконе в среднике изображен сюжет «Воскресения Христового», а празднование Свечи приходится на Рождество, тогда как, согласно православной традиции, перенос иконы и ее чествование должно было бы происходить на Пасху. Никто из местных жителей не смог объяснить этого несо-

падения. Г. Крамор, побывавший в Осиновке в составе экспедиции Ишимского краеведческого музея, объясняет данный факт тем, что деревня отмечает свой престольный праздник именно на Рождество Христово и что наличие престольного праздника в деревне, не имевшей храма, явление традиционное для Сибири [2003, с. 115]. Такая ситуация характерна и для Беларуси, где в деревнях проходили «кірмашы» или «фэсты», приуроченные к тому или иному христианскому празднику. В этот день со всей округи в деревню съезжались родственники. Эта традиция сохраняется и в наше время. С большой долей вероятности можно предположить, что переселенцы-«самоходы» трех соседних деревень (Осиновка, Ермаки, Еловка) установили на новых землях традицию общественного праздника — «кірмаша»¹⁰ согласно принятому на их родине календарю (в соседних Ермаках — Николая Чудотворца (зимнего), Еловке — Покрова).

Несовпадение даты празднования Рождества Христова в Осиновке и сюжета почитаемой иконы может свидетельствовать в пользу предположения об ее сибирском «обретении». В данном случае значим не столько сам конкретный сюжет иконы, его соотнесение с церковно-православным календарем, сколько сакральность самого иконного изображения Иисуса Христа. Иконы «Воскресение Христово» с праздниками пользовались в России необыкновенной популярностью [Тарасов, 1995, с. 75]. На клеймах иконы изображено 12 наиболее значительных православных праздников, в том числе Рождество Христово («икона в иконе»). Обращает на себя внимание, что празднование Свечи соотносится с началом сельскохозяйственного года. В Осиновке и соседней деревне Ермаки этот период и сегодня принято отмечать, как и в Беларуси, колядованием — хождением ряженных — «шуликан», «шуликин» по домам с песнями и добропожеланиями хозяевам.

Со Свечой-иконой, предание о появлении которой уже приобрело характер легенды, связаны также истории, охотно и в подробностях пересказываемые жителями Осиновки и Ермаков. Они датируются советским временем, периодом борьбы с религией, которая не миновала сибирские деревни, заселенные выходцами из Белоруссии. В разгар антирелигиозной борьбы, очевидно после того как в д. Ермаки была разрушена Никольская церковь и в мае 1937 г. арестован ее священник И.К. Модестов, жительница Осиновки Мария Прокопцова спрятала Свечу в своем амбаре. Там икона находилась и в годы войны. Свечу вносили в дом, чтобы помолиться вместе за ушедших на фронт соседей и родных, и на две недели на Рождество. До сих пор помнят в Осиновке детскую приговорку: «Приходите на Свечу к Марине-богачу» [1]. Однажды к ней пришли коммунисты, хотели разбить икону, но она послала по деревне детей, собрались все женщины и отстояли святыню.

Другая история повествует о супругах Петре Ивановиче и Серафиме Михайловне Шарайкиных, которые в 1970 г. оказались перед выбором — брать Свечу, когда очередь дошла до их дома, или нет. Хозяин дома состоял в партии и работал бригадиром. Когда в сельсовете узнали, что пришла очередь Шарайкина принимать Свечу, его вызвали в милицию и предписали принести икону в сельсовет. После семейного совета Петр Иванович объявил: пусть лучше меня выгонят из партии, снимут с должности, отправят в тюрьму, чем потом будут всю жизнь указывать — вот, это тот самый, который икону не принял. Ермаковское начальство позвонило в Викулово, секретарю райкома партии В.М. Хлынову. Тот рассудил по-своему: «Икону не отнимать, не рубить, не вами этот обычай заведен, не вам его и отменять, пусть носят» [Крамор, 2003, с. 101].

Еще одну историю рассказала Анфиса Даниловна Денисенко, 1938 г.р. В ней драматизм момента — примут ли Свечу в дом — разрешился на радость всем непростым выбором между традицией и партийными предписаниями в пользу первой. «Я вам сейчас расскажу, это первый раз-то было. К нам идет сюда, а я беру ее уже. А Иван, мой мужик, партийный был. Приехали, кажется, вызвали его на правление — “Никаких, не бери свечу, не бери, и все!” И он говорит: “Мне что, с женой расходиться, так и не дети”. А людей уже понаходило, на счету много. А люди-то и ждут, что скажут, боятся. Сидят, тихонько, тогда же за стол садят, как Свечу принесут. И он пришел и говорит: “Дай мне вино”. Как взял вино в руку, бабы-то повеселели, что не выгнали их. Ну, в другой раз принесли, такого не было уже. Это первый раз» [2].

¹⁰ Нашим информантам в Осиновке и Ермаках слово «кірмаш», которое используется для обозначения общедеревенских праздников, приуроченных к церковному календарю, не было известно.

По существующей в деревне традиции Свечу переносят из дома в дом на Рождество, как говорят в Осиновке, «икона ходит по домам»¹¹. В одном доме икона находится в течение года, до следующего Рождества. Топография движения Свечи в Осиновке соответствует традиции переноса Свечей, которая сохранилась в восточных районах Белоруссии и зафиксирована исследователями обряда [Лапацін, 2007]. Свечу из дома в дом переносят по заведенному порядку: сначала по одной стороне улицы, затем по противоположной. В Беларуси нельзя было переносить Свечу на другую сторону, пока она не дошла до крайнего дома. Таким образом, ее движение по деревне представляло собой замкнутый круг. Свеча возвращалась к одному и тому же хозяину только через много лет. Наши информанты, в основном пожилые люди, рассказывали, что за свою жизнь они принимали у себя Свечу один или два раза: «Сколько домов — столько годов. Домов много. Деревня была длинная наша» [2]. Так было раньше, когда в Осиновке было много жителей и домов, когда «семьями жили» [4]. Существовало правило переносить икону только в те дома, где живут праведно. В советское время икону брали в дом люди 1930-х гг. рождения, которые не были крещены в церкви. «И говорят некрещеным нельзя. А я взяла, а я брала. Я брала и плакала, не хотела, чтоб ее забирали. Я брала. Не, которые вот не хотят брать. Господи, от Бога отречься — никогда! Веру, веру я в Бога» [4].

Когда-то в Осиновке было полторы сотни домов, сейчас — около 75 жителей, 24 жилых и 9 пустующих домов. Демографические процессы старения деревни, отток молодежи в город в связи с сельской безработицей меняют традиционный хронотоп обряда. Свечу не могут взять в дом старые и одинокие люди и те, кто не имеет работы и постоянного дохода. Это связано с тем, что принимать Свечу в доме сопряжено со значительными материальными и денежными затратами. В 2011 г. Свечу приняли в свой дом жители среднего поколения Осиновки — супруги Александр Владимирович и Лариса Дмитриевна Альковы, 1965 г.р., имеющие трех детей и уже внуков.

Обряд переноса Свечи и ритуал ее чествования длится два дня. Он начинается вечером 6 января и продолжается на другой день — 7 января, когда утром икону переносят в другой дом. Накануне Рождества, в Сочельник, в доме, где Свеча стояла в течение года, собираются гости. «Ну, готовиться нужно с вечера с 6-го. Женщина значит или хозяйка, где собираются все без приглашения, приходят, она угощает всех. Там уже на Сочельнике поют бабушки, они там тропарь поют и еще что-то такое. Попели, значит, они, она их приглашает за стол и всех угощает. Еда, такая, как бы сказать, постная. Только постная еда, потому, что здесь идет пост» [1].

Когда-то по всей деревне бегали дети, зазывая: «Приходите (или «айдайте») на Свечу к Ивану-богачу» (имя менялось в зависимости от того, к кому будут переносить икону) [Крамор, 2003, с. 97]. Такой же обычай существовал в Могилевской области, когда в деревнях еще было много детей. Гости ставят свечи перед иконой и с молитвой оставляют возле нее деньги и «оброки» — дары, прося у Свечи здоровья, благополучия. «Ставя свечки, и идут к иконе с чем-то, например, с какими-то подарками или с деньгами. Вот приходит человек, берет свечку, значит, запаливает, ставит ее и ложит деньги. Целуют икону. Просят у нее здоровья мысленно или там что-то. Вот и в Сочельник просят и на следующий день то же просят. Вот и подарки, обычно вечером несут отрезы. Отрезы там полотенежные или материал, какой-то. ...Ну, говорят, что просто так к ней не ходят, что-то несут... » [1].

Из подарков часто приносят полотенца, отрезы различных тканей. Ими накрывают киот с иконами, вешают их на створки. Раньше в оброк приносили тканые и вышитые полотенца — «набожники», которые вешают на иконы, тонкие полотна «наметки», использовавшиеся также в свадебном обряде. Теперь в качестве оброка нередко приносят покупные махровые полотенца. Некоторые люди в случае болезни измеряют себя в полный рост и жертвуют на Свечу отрез материала такого размера [1]. Хозяева дома накрывают стол и угощают постными блюдами. Во время застолья поются тропари и другие рождественские песнопения. На следующий день рано утром хозяин, в дом которого будет перенесена икона, устилает соломой путь от своего дома к дому, откуда начнется обряд ее переноса. В деревне считают, что тем самым он свидетельствует, что принимает икону. По белорусским материалам, солома — обязательный атрибут переноса Свечи, связанный с его первоначальным аграрно-производящим характером. Жители деревни и приехавшие гости вновь собираются в доме, в котором икона простояла прошлый год, — «весь мир приходит, придут к иконе Богу помолиться» [1]. «Утром гости все приезжают,

¹¹ Выражение «ходила», которое характеризует переносной характер святыни, фиксируется во многих белорусских материалах. Например, в д. Горки Горецкого района Могилевской области записано выражение «Варвара хадзіла па Гарах», которое относится к местной переносной иконе св. Варвары Великомученицы.

со всех областей, со всех деревень, соседних и в общем отовсюду. Кто хочет просить здоровья, кто хочет попросить какое-то желание, чтобы оно сбылось, также приезжаю утром, и также ставят свечку... Кладут деньги, деньги, деньги, кто сколько может, столько и кладет» [1].

Как правило, дом, в котором хранится Свеча, не в состоянии вместить всех желающих, и на поклонение ей выстраивается очередь. После этого начинается перенос иконы. Хозяйка дома провожает Свечу со слезами. «Когда станут выносить, хозяйка прощается с иконой. То есть, вот представьте, она год стоит эта икона, она к ней привыкает, она плачет по ней и целует ее. В общем, ей жалко, что уносят ее из дома» [1].

Рис. 3. Перенос Свечи в д. Осиновке на 7 января 2011 г. Фото Р. Федорова

Икону по обычаю переносят мужчины. Это связано не только с тем, что деревянный киот иконы-Свечи тяжелый. Особенность переноса иконы именно мужчинами отмечена в большинстве записей обряда в Беларуси [Лопатин, 2008, с. 411]. Впереди процессии идет хозяйка, она несет буханку хлеба, завернутую в рушник. «Дальше идет какая-нибудь бабушка. Тоже такая достойная, почтенная. Она несет вот этот бочонок, где стоят все свечки, которые сливаются в единую свечу» [1]. Жители деревни и приехавшие гости встают на колени на устланном соломенной пути, выстроившись в ряд. Икона проносится над их головами. Обычай присесть под переносимой иконой считается у местных жителей своеобразным благословением на будущий год. Нередко под Свечу садятся приехавшие из других мест больные, так как в деревне передаются рассказы о ее чудотворных свойствах. Этот элемент обряда переноса Свечи является также

традиционным в Беларуси: икону проносили над головой хозяйки при выносе из дома, останавливались около каждого дома, держа икону так, чтобы под ней могли пролезть больные, особенно страдающие болями в спине.

В доме, где принимают икону, открывают настежь двери. Хозяин дома принимает икону у ворот и целует ее. Икону заносят в дом и ставят на почетное место — в красный угол. По обычаю двери дома, принявшего икону, всегда должны быть открыты для гостей, пришедших ей поклониться. Гости оставляют деньги, оброки и ставят свечи, которые лежат около иконы. Когда-то ткани и деньги передавались как пожертвование в Никольский храм в Ермаках. Теперь деньги остаются у хозяина с условием покупки и возжигания свечей и угощения гостей [Крамор, 2003, с. 98]. Хозяйка дома, куда была перенесена Свеча, накрывают для гостей стол с рождественскими угощениями. Обычно это каша, холодец из свиных ножек, борщ, картошка с котлетами. К этому дню обязательно варят в русских печках пиво по старым рецептам с хмелем, который специально в Осиновке выращивают. Раньше тут говорили: «Приходите к нам на Свечу и на чашку пива» [4].

Дом, в котором в течение года находится икона, превращается в своеобразный временный сакральный центр поселения. Его двери всегда открыты для желающих помолиться и поклониться иконе. Местные жители испытывают особое почтение к этому дому и проживающей в нем семье, которое часто сопровождается пожертвованиями денег и продуктов питания. Считается, что дом, который принял Свечу, будет счастливым и благополучным.

Особого внимания заслуживает вопрос о наименовании иконы и названии обряда, а также о его семантике. Анализировать обряд Свечи в Осиновке можно лишь с привлечением белорусских материалов. При широкой типологии белорусских обрядов Свечи выделяются те варианты, когда в обрядовый комплекс входит большая восковая свеча — главная святыня, которая изготавливается в складчину, часто всеми участниками — «братчиками по Свече». Братские Свечи, описанные этнографами в конце XIX — начале XX в., достигали веса в пуд и более [Громыко, 1991, с. 369; Добровольский, 1900]. В Чечерском, Ветковском, Кормянском районах Гомельской области сотрудники Ветковского музея народного творчества выявили несколько вариантов форм коллективных восковых свечей, макеты которых представлены теперь в экспозиции музея. Обязательным их атрибутом являются «сукенкі» — специально пошитые юбочки, фартучки и ленты, которые придают свечам антропоморфный вид. Перенесенную в новый дом Свечу было принято переодевать в новые одежды. К антропоморфным свечам относились как к одухотворенным существам. Все это дает исследователям основание делать выводы о дохристианских истоках обряда Свеча, его генетической связи с языческим культом родового предка и огня, рудименты которых сохранились в обрядовой практике белорусов до наших дней [Дуцыц, 2011, с. 438]. Вместе с тем в Беларуси зафиксированы варианты обряда Свеча, где традиция изготовления коллективной восковой свечи утрачена и главной ритуальной святыней, как и в Осиновке, является переносная икона [Лабачэўская, 2007].

В Осиновской Свече обращает на себя внимание то, что каждый участвующий сегодня в ритуале, молясь перед иконой, обязательно зажигает свечку. Наши информанты подчеркивают: «Свечу ставят обязательно! Свечки зажигают обязательно!» [1]. Связки тонких церковных свечек лежат перед иконой. Их ставят в подсвечник и мерку с зерном. Свечек бывает так много, что при горении, плавясь, они сливаются в одну. «Эта “Свеча” почему называется? Потому, что там вот такой бочонок стоит и вот в этом бочонке вмочено много свечей, и когда эти свечи все загораются,— ну, ставят их все, ставят, ставят,— одной свечой, они даже могут все вспыхнуть. Делается все одной свечой. Ее называли “Свеча”. Просто простонародно ее зовут “Свеча”» [1].

На фотографиях, которые были сделаны исследователями в Осиновке в 2002 и 2009 гг., можно видеть подсвечник, украшенный разноцветными юбочками, что придает ему антропоморфный вид. Очевидно, что белорусские «самоходы» принесли в Сибирь традицию «одевать» восковую свечку. Они привезли с собой пчел в дубовых колодах, которые, как и на родине, устанавливали на деревьях [Крамор, 2003, с. 115]. Следовательно, имелся не только мед, но и воск. Вероятно, первоначально свеча при почитаемой иконе изготавливалась в складчину и могла достигать большого размера, чтобы ее огонь горел до следующего переноса Свечи. Зерно, в котором стояла свеча, считалось освященным, и крестьяне смешивали его с зерном нового посева. Но сведений о подобной практике в Осиновке нами не зафиксировано, в 2011 г. мы не обнаружили на подсвечнике и текстильного убранства.

Рис. 4. Подсвечник при Свече, убраный в «одежды». 2009 г. Фото Р. Федорова

В сравнении с обрядом Свеча, описанным исследователями и бытующим и в наши дни в восточных районах Беларуси¹², ритуал в Осиновке не включает в себя некоторые традиционные структурные элементы и атрибуты. Например, не отмечено использование «кажуха» — вывернутой мехом наверх овчинной шубы: по нему проходили под иконой и ставили на него Свечу в красном углу. В структуре ритуала отсутствует чествование перенесенной Свечи на третий день, которое в Беларуси носит различные названия: «адведкі», дагуліваць», старь разгуліваць». Тем не менее сравнительный анализ с привлечением белорусских материалов с мест выхода переселенцев позволяет говорить о значительной степени аутентичности и сохранности обряда Свечи в Сибири.

Осиновская Свеча сохранила характер коллективного ритуала, за которым в этнографических описаниях закрепились названия «братчины», «братская свеча», «мирская свеча», «ссыпчины», что свидетельствует об его родовых, общинных, братских началах, объединявших группы людей вокруг общей святыни. К ней также обращались за помощью, когда не было дождя, обнося ею вместе с вытканной за одну ночь ритуальной тканью — «будзёнником» всю деревню по кругу — «будзённик нясуць и Свечу нясуць» [2, 4].

Ежегодный ритуал переноса Свечи объединяет всех жителей Осиновки, являясь действенным средством поддержания их «самоходской» индентификации, которая в советское и особенно постсоветское время приобрела выраженную «белорусскость»¹³. В наши дни обряд

¹² Например, в 2010 г. на Св. Николу Чудотворца зимнего, 19 декабря, переносили Свечу (комплекс икона + свеча) в д. Черепы Шкловского района Могилевской области. Раньше в этой деревне «ходило» три Никольских Свечи. Теперь переносят только одну.

¹³ В рассказах наши информантов о первых переселенцах употребляется выражение «пришли из России», так как Могилевская губерния, откуда «самоходы» в конце XIX — начале XX в. прибыли в Сибирь, входила в состав Российской империи. При отсутствии в тот период этнической (белорусской) идентификации у крестьян белорусских земель в ситуации необходимости определения себя как группы, отличной от автохтонов, на новом месте жительства и сформировалась их «самоходская» идентификация. В послевоенные годы некоторые жители Осиновки, Ермаков ездили в БССР с целью поиска родственников. В 1957 г. крестьяне, родившиеся до революции, получили паспорта, в которых в графе «национальность» было написано «русский» и механически была изменена административная принадлежность места их рождения. Например, запись «с. Рогинь Рогачевского у. Могилевской губ.» заменили на «Рогачевский район Могилевской обл.»

трансформируется, что вызвано расширением его популярности. Он утрачивает былой родовой характер, когда «весь мир» ограничивался жителями Осиновки и их родственниками, которые по традиции приезжали в этот день в родную деревню для участия в рождественском чествовании Свечи. Теперь на Свечу стекается огромное количество людей: приезжают представители администрации из районного центра Викулово, гости из других мест области. Те, кто наслышан о целительных свойствах иконы, приезжает на Свечу с надеждой на чудотворное излечение, избавление от недугов. В день переноса Свечи центральная улица Осиновки сплошь заставлена легковыми машинами. В 2005 г. ГТРК «Регион Тюмень» в новостной программе показала сюжет о переносе иконы на Рождество в Осиновке [Жители Осиновки..., 2005]. Этот старинный рождественский обряд включают в план мероприятий районных учреждений культуры. Фольклорный коллектив «Россияночка» ермаковского Дома культуры подготовил и показывает сценический вариант обряда Свеча. Для этого был сделан макет иконы-Свечи.

В последнее время в Осиновке из-за ожидания приезда гостей перенос иконы производится позднее обычного, примерно в одиннадцать часов утра. Приглашается священнослужитель из соседнего райцентра Сорокино. Он проводит перед почитаемой иконой службу, читает проповедь и затем сопровождает икону в новый дом. По воспоминаниям старожилов, обряд переноса Свечи проходил без священника. Примечательно, что священника приглашали из Ермаков, только когда наступала очередь переносить икону на другую сторону улицы через дорогу [Крамор, 2003, с. 115]. Песнопения, сопровождающие Свечу при переносе, теперь исполняют не осиновские старушки, которым уже тяжело участвовать в ритуале, а участницы фольклорного коллектива ермаковского Дома культуры. Тексты духовных песен они переняли от женщин старшего поколения. Солому, которой устилают дорогу для переноса иконы, разбирают и сохраняют, считая, что она обладает целебными свойствами. Некоторые люди считают целебными и свечные огарки, оставшиеся около иконы. Это также относительно новый обычай. Общественный интерес к осиновской Свече продиктован осознанием ее культурной ценности и уникальности для Сибири. Ее популярности содействует укрепление в обществе православной религиозности, поддержка народно-православных обычаев официальной церковью.

Сибирскую Свечу можно оценить как реликтовый культурно-духовный феномен, который в силу значительной сохранности ритуала, его живого функционирования в наше время дает исследователям богатый материал для научной реконструкции древнего обычая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 448 с.
- Дембовецкий А.С. Опыт описания Могилевской губернии: В 3 кн. Могилев на Днепре, 1882. Кн. 1. 782 с.
- Добровольский В.Н. Значение народного праздника «Свечи» // ЭО. 1900. № 4. С. 35–51.
- Дучыц Л., Клімковіч І., А. Лабачэўская, Г. Лапацін Г. Свяча // Міфалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік / Склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; Навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мн.: Беларусь, 2011. 605 с.
- Жудро Ф.А. Свеча — белорусский церковно-бытовой праздник // Могилевские епархиальные ведомости. 1893. № 13. С. 232–236.
- Жители Осиновки носят по домам станинную икону // ГТРК «Регион Тюмень». Новости. 01.11.2005. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tyumen.rfn.ru/rnews.html?id=18007>.
- Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Казаринова Н.В. Народные сибирские иконы // Сибирская икона. Омск: Иртыш-92, 1999. 272 с.
- Крамор Г. В краю медовых лип. 2002 // [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.suvenirograd.ru/impressions.php?id=25&lang=1&pid=200>.
- Крамор Г.А. В краю медовых лип: Экспедиция в Викуловский район // Коркина слобода. 2003. Вып. 5. С. 102–123.
- Лабачэўская В. Абрад «Гуляць ікону» як праява народнага хрысціянства на беларуска-расійскім памеддзі // Pogrnicza Bialorusi w perspektywie interdyscyplinarnej. Памежжы Беларусі ў междисциплинарнай перспектыве / Red. Nauk. E. Smulkowa, A. Engelking. Warszawa: DiG, 2007. С. 403–430.
- Лапацін Г.І. Абрад свячы ва ўсходнім Палессі // Матэрыялы навуц.-практ. конф. «Аўтэнтчны фальклор: праблемы бытавання, вывучэння, пераймання». Мн., 2007. С. 84–89.

левской области», в то время как этот населенный пункт относится к Будо-Кашелевскому району Гомельской области. В значительной степени осознанию своей родовой принадлежности к Беларуси, формированию белорусской этнической идентификации, особенно у представителей среднего и молодого поколения, содействовало расширение коммуникативных каналов и средств массовой информации. В районном центре Викулово в 2000 г. создан филиал Тюменской областной общественной организации «Национально-культурное общество «Беларусь».

Лопатин Г.И. «Икона звалась святой...»: Из опыта изучения обряда «Свячы» в Восточном Полесье // Антропол. форум. СПб., 2008. № 8. С. 402–416.

Сибирская икона. Омск: Иртыш-92, 1999. 272 с.

Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс-культура: Традиция, 1995. 496 с.

Федоров Р.Ю. Обряд «Свеча» у белорусских переселенцев в Западной Сибири // Питанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Навук. рэд. А.І. Лакотка. Мн.: Права і эканоміка, 2011. Вып. 10. С. 465–469.

Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края. Т. III // Сб. отделения русского языка и словесности. СПб., 1902. Т. 72. С. 180–183.

Список информантов

1. Вычужанина Надежда Ивановна, 1966 г.р., д. Ермаки, Викуловский р-н, Тюменская обл.
2. Денисенко Анфиса Даниловна, 1928 г.р., д. Осиновка, Викуловский р-н, Тюменская обл.
3. Суздалева Федора Даниловна, 1923 г.р., д. Ермаки, Викуловский р-н, Тюменская обл.
4. Шевелева Мария Ивановна, 1937 г.р., д. Осиновка, Викуловский р-н, Тюменская обл.

* Минск, Белорусский государственный университет культуры и искусств
lobachevskaja@tut.by

** Тюмень, ИКЗ СО РАН
r_fedorov@mail.ru

The article is devoted to investigation of a worshipping rite and transferring the «Candle» icon, which preserved on the territory of Vikulovo region of Tyumen Oblast' with descendants of migrants from Mogilev province. The paper undertakes a comparison of the rite exercised in Siberia with its distinctions in the places of the migrants' outcome.

«Candle» ritual, folk Orthodox traditions, traditional Byelorussian culture, Byelorussians in Siberia, Samohody.